

Мясницкий Иван Ильич

Их степенства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Их степенства / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 448 с.

ISBN 978-5-519-98459-1

ISBN 978-5-519-98459-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

отрепанные панталоны „барина“:—но только ежели ты на бѣдность, такъ Пантелей Лукичъ по субботамъ больше...

— Дуракъ!.. Веди, тебѣ говорятъ!—затопаль ногами баринъ: —ну, маррршъ впередъ!..

Спустя минуту, дворникъ сдавалъ „барина“ кухаркѣ Замухрышкина.

— Хозяина, вишь, ему повидать безпремѣнно надоть!—пояснилъ онъ: — поди, доложь хозяйкѣ...

— Ступай самъ, да и докладай!—огрызнулась было та: — ну, какъ я пойду? вдругъ она съ „самимъ“ спить... Опять у меня вся посуда на рукахъ... Ты, что ли, въ отвѣтъ будешь, коли стащить что?

— Ду-ура!.. Покелева ты сходишь, я за имъ послѣжу... ступай... такъ, молъ, и такъ... ужъ очинно баринъ-то неспокойный...

Кухарка юркнула за дверь. Субъектъ расхаживался по кухнѣ, откашливался и вертѣлъ самодѣльную папироску.

За дверью шли переговоры, и чей-то голосъ вслухъ выражалъ сомнѣніе:

— Ужъ не жуликъ ли онъ какой?

— Да развѣ въ него влѣзешь?—отвѣчала кухарка: —но только такъ отрепанъ, такъ отрепанъ; Вѣра Степановна, что и-и-и ..

муниція вся засалимши, а изъ сапогъ портянки вонъ вылѣзають...

— Жуликъ, вотъ помяни ты мое слово,— жуликъ...

— „Я, говоритъ, къ Пантелей Лукичу по собственному дѣлу и по его, значить, приказу“!—докладывалъ голосъ кухарки.

— А, можетъ и не жуликъ! — раздался другой голосъ:—а все жъ таки ты, Аксинья, Степана при себѣ держи... на всякій случай: не ровень часъ; нонче того и гляди, что возьмутъ да и стащатъ... вонъ, къ Аннѣ Прохоровнѣ намеренъ тоже какой-то изъ оголтѣлыхъ затесался... „я, говоритъ, изъ благородныхъ“, а опосля, хватъ—лисьяго салона и нѣтъ... Такъ онъ по дѣлу, говоришь?

— По собственному, Вѣра Степановна...

— Ну, поди, зови его въ залу... Пусть его посидитъ, покедова самъ встанетъ... Паша!.. Саша!.. а вы отъ меня ни на шагъ: чуть онъ ежели что, такъ вы сейчасъ, сломя голову, отца будить... да вы поближе къ дверямъ сядьте-то... вотъ такъ...

Черезъ минуту непрощенный гость уже расшаркивался передъ хозяйкой.

— Позвольте представиться,—рекомендовался онъ, прикладывая свертокъ бумаги къ сердцу: —отставной губернскій секре-

тарь Петръ Ивановичъ Красноцвѣтовъ — адвокатъ по профессіи.

— Изъ завалящихъ, должно, аблакатишковъ-то! — мелькнуло въ головѣ у хозяйки: — садись, батюшка, на стулъ-отъ! — предложила она: — къ Пантелею Лукичу, вѣдь, ты?

— Къ нему, по дѣлу-съ!

— Спитъ онъ сичасъ...

— Ничего, мы подождемъ-съ... Ф-фу, и жара же стоитъ...

— И не говори: подвалилась было я подъ бокъ къ Пантелею Лукичу — мочи моей нѣтъ... разварило просто все... опять мухи эти самыя: за версту потнаго человѣка учуютъ...

— Н-да-съ, мухъ довольно... ф-фу-у... вода есть?.. Одолжите стаканчикъ!..

— Аксинья! подай сюда стаканъ воды... тебѣ какъ: похолоднѣе, что ли?

— М-м-м... вотъ видите ли... а водка у васъ есть?

— Какъ не быть, чай...

— Такъ вотъ что, умница! — обратился онъ къ кухаркѣ: — ты вмѣсто воды-то водки стаканъ принеси... Это у меня первое средство для охлажденія! — пояснилъ онъ хозяйкѣ.

— Принеси ужъ! — приказала та: — только ужъ очинно чудно! — усумнилась она; — меня

такъ вотъ, ежели я чуточную рюмочку выпью—сичасъ въ жаръ...

— У меня комплекція другая!—успокоилъ ее гость:—да, я вамъ вотъ какъ скажу!—заёрзалъ онъ на стулѣ, прищуривая глазки:—выпью я водки стаканъ—охлаждаюсь, выпью два—прохлаждаюсь, выпью три—остываю, двину четыре—застываю, хвачу пять—замерррзаю...

— Ври!?

— Честное, благородное слово адвоката Красноцвѣтова! Одно только средство и есть, дабы привести въ первобытное состояніе мои бранныя тѣлеса—это выпить бутылку коньяку... Поповская?—освѣдомился адвокатъ у хозяйки, выпивая залпомъ стаканъ и сплевывая въ сторону.

— А кто жъ ее знаетъ: поповская она или дьяконовская... въ сусѣдномъ кабацѣ беремъ...

— Берите Синицынскую... лучше Синицынской въ наши грустные времена ничего на свѣтѣ нѣтъ... пьешь—чистое хлѣбное масло; выпьешь—по всѣмъ суставамъ, разбойница, расползется...

— И эту Пантелей Лукичъ хвалить очино...

— Хороша-то она хороша, только сплюнуть послѣ приходится... Умница!—поманилъ

онъ кухарку:—возьми стаканъ - то, да для вящаго охлажденія наполни его той же матеріей вторично... Ф-фу-у!.. Ваши дочки-то?—кивнулъ онъ на дѣвицъ.

— Наши.

— Невѣсты ужъ... замужъ, поди, собираются?

— Отчего жъ, ежели настоящіе женихи будутъ...

— Не извольте беспокоиться, хозяйюшка; я имъ такихъ жениховъ откопаю, что ахнете... Что вы на меня смотрите? Я, вѣдь, на всѣ руки... Красноцвѣтова всѣ мировые судьи знаютъ... да что мировые—всѣ прокуроры съ подпрокурорами... Военныхъ, барышни, хотите?

— Ахъ, что вы!—запищали тѣ, вспыхивая.

— Тутъ, эдакъ, знаете, густыя эполеты, съ боку сабля, здѣсь—разные Станиславы съ Аннами навѣшены, усики въ колечко, въ глазахъ—этакій пламень пожирающій... Такъ офицеровъ прикажете?

— Куда имъ офицеровъ... намъ они не ко двору...

— Есть и чиновники всякіе: титулярные и надворные — кого угодно, любого на выборъ. Одинъ у меня такой есть надворный, что любому офицеру пятьдесятъ очковъ впередъ дастъ... на билліардѣ такого игрока

въ Москвѣ не найдешь... и играетъ-то ма-
зикомъ... Одинъ у него недостатокъ — про-
плѣшина во всю головизну; ну, да это са-
мое плевое дѣло: такіе можно волосы на-
клеить, что всякій молодой позавидуетъ...

— Не къ рукѣ намъ чиновники-то...

— И купцы всякіе есть... Меня вся Мо-
сква знаетъ! . Могу третью порцію спро-
сить?

— Аксинья, подай! Ты по какому же дѣ-
лу къ Пантелей Лукичу-то?

— По уголовному, хозяйюшка! Да это для
меня что!?—тьфу, и больше ничего... опра-
вить вашего супруга ничего не стоитъ ..
Красноцвѣтовъ и не такихъ еще мошенни-
ковъ защищалъ, да и то дѣла выигрывалъ...
Пустолобова знаете? Оправилъ! Безъ меня
бы онъ въ Титахъ сгнилъ, а при несчастьи
и Владимірки попробовалъ бы, а я опра-
вилъ... Благодарилъ стрррасть какъ: „по
гробъ, говоритъ, тебя, Красноцвѣтовъ, не
забуду“!.. Подлецъ, все-таки, вышелъ та-
кой, что, если бъ я зналъ—нарочно бы его,
мошенника, подъ самую тяжкую уголовную
статью подвелъ...

— Да что жъ такое мой Пантелей Лу-
кичъ сдѣлалъ-то?

— Уголовщину-съ .. М-м-м... водка хоро-
ша, а только все-таки я Синицынскую со-

вѣтую или Смирновскую!..—выпилъ адвокатъ стаканъ, принесенный кухаркой:—рабочаго избилъ всего до окровавленія-съ... 318-ю статью знаете?

— Никакихъ я статей вашихъ...

— А 908-ю-съ?

— Никакимъ статьямъ мы не учены...

— А у меня всѣ законы въ рукахъ!.. Десятый томъ, хозяйюшка, я весь наизусть знаю... Да что десятый: и восьмой, и девятый для насъ никакой трудности...

— Что жъ ему таперича за окровавленіе-то?

— Оправимъ-съ, не извольте беспокоиться!.. Красноцвѣтовъ да не оправить? Это довольно глупо... Красноцвѣтова всѣ мировые боятся... Какъ только завидятъ Красноцвѣтова въ камерѣ — сейчасъ приговоры умягчать начнутъ... со мной шутки плохи... другой мировой-то никакъ на настоящую статью не попадетъ, а мы его направимъ... Подрядчика Толстогубова знаете?

— Слыхивали...

— Подлежалъ трехмѣсячному тюремному заключенію за тяжкія увѣчья... „Красноцвѣтовъ, говоритъ, спаси—озолочу“!.. „Могу, говорю, это все въ нашихъ рукахъ: оправить совсѣмъ не оправлю, а умягчить—умягчу“!.. Что жъ бы вы думали: на три не-

дѣли только засадили!.. А онъ, подлецъ, апосля меня въ шею замѣсто гонорара!.. Это за умягченіе-то, скажите пожалуйста!?

— Такъ умягчить ты можешь?

— Могу!.. Умница!.. насыпь-ка еще станчикъ, въ ожиданіи хозяйскаго возстанія!.. Главное, чтобы законы знать, а они у меня всѣ тутъ! — стукнулъ онъ себя ладонью по лбу: — по моимъ способностямъ мнѣ бы давно въ коляскахъ нужно разъѣзжать, а я не могу: слабъ и притомъ на деньгу не жаденъ... съ моими способностями я любого Плеваку за поясъ заткнуть бы могъ, да не хочу: главное дѣло, больно ужъ я къ мировымъ привыкъ, въ окружной-то ужъ и не тянетъ... о Солодовниковѣ слышали? Ежели бы онъ ко мнѣ за защитой обратился, я бъ его оправилъ... какъ честный, благородный человѣкъ. . . и взялъ бы недорого; а то, вѣдь, всѣ эти Лохвицкіе-то отличную щетину съ кліентовъ дерутъ... Я, вотъ, за цѣлковый черезъ улицу плюну, а они — ша-а-лишь: дай три тысячи — они плюнутъ, и хуже плюнутъ, а деньги возьмутъ... Я бы сейчасъ прямымъ дѣломъ свидѣтелей штукекъ двадцать подобралъ въ контру противной сторонѣ, да такую бы тутъ механику съ масломъ развелъ, что судъ сейчасъ бы моего кліента оправилъ,

да еще за веденіе дѣла мнѣ бы присудилъ... Могу просить еще стаканчикъ?.. Вы, хозяюшка, не смотрите, что меня изъ управы благочинія выгнали, у меня всѣ законы—тутъ! Я такіе процессы выигрывалъ, что мнѣ самъ Плевако удивлялся!—вралъ аблакатъ, затягиваясь папироской:—съ твоимъ, говоритъ. талантомъ, Красноцвѣтовъ, тебѣ бы не здѣсь практиковать, а гдѣ-нибудь подальше... не въ столь отдаленныхъ, на примѣръ.. Такъ я отъ этихъ словъ въ слезы, честное, благородное слово Красноцвѣтова!.. Слабъ я, а посему и питаюсь больше двугривенными... Бываютъ дни, что и четвертную заработаешь, особливо, ежели неопытный купеческій дурандасъ въ буйствѣ попадется, — тутъ ужъ съ него бери, что хочешь, только оправь, да отъ тятенькина кулака ослобони... Рѣдки только подобные гонорары-то стали: нынче все и купеческіе саврасы какіе-то отчаянные: тятенькинъ кулакъ не уважаютъ, а въ Титыто, словно въ садъ „Эрмитажъ“ гуляютъ, отправляются... Вотъ тоже драться меньше стали, а это намъ убытокъ... прежде какъ-то просторнѣе было: вышелъ купецъ на улицу — видитъ, идетъ рыло: рыло—какъ рыло, только купцу не по нраву... трахъ въ зубы! Рыло къ мировому, а купецъ за

Красноцвѣтова—выручай!.. Умница! можетъ нажмешь еще стаканчикъ?

Въ сосѣдней комнатѣ слышался трескъ кровати и кряхтѣнье.

Хозяйка вскочила съ мѣста.

— Эй, жена!—раздался хриплый голосъ:—какой тутъ дьяволъ трещить надъ ухомъ?

— Аблакаты, Пантелей Лукичъ, къ тебѣ пришелъ! — заявила жена, входя къ мужу въ спальню,—насчетъ окровавленія.

— Что-о-о?—заораль тотъ:—ахъ, онъ, анаеема!.. На три недѣли меня въ Киты всадишь, да еще насмѣхаться пришелъ!.. Погоди, я ему, проклятому, всѣ ребра переломаю... гдѣ онъ?

— Въ залѣ сидитъ и прохлаждается...

— Погоди, я ему сейчасъ такую прохладу пропишу, что онъ всѣ свои 318-я статьи позабудетъ... Подай сюда мою палку съ набалдашникомъ! Гдѣ жъ онъ, анаеема?.. А? Жена, гдѣ жъ твой аблакатишко-то? Я ему сейчасъ такихъ статей въ бокъ напишаю... да куда жъ онъ провалился-то? Подъ диванъ, нѣшто, залѣзъ? Эй, ты, кляузникъ, вылѣзай; все равно, братъ, у меня не отвертишься!.. Я, братъ, сейчасъ тебѣ по триста восемнадцатой всѣ ребра пересчитаю!..

А „аблакаты“ и слѣдъ простылъ.